

УДК 81.27

ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА ЛЕКСИКОН РУССКОГО ЯЗЫКА СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА GENERAL VIEW OF THE VOCABULARY OF THE RUSSIAN LANGUAGE OF THE SOVIET PERIOD

Г.М. Шипицына, Ю.О. Мамонова
G.M. Shipitsyna, Y.O. Mamonova

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85*

*Belgorod National Research University,
85, Pobeda Str., Belgorod, 308015, Russia*

E-mail: shipitsina@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость изучения советского периода в развитии русского языка, оказавшего большое влияние на последующие этапы его развития. Подробному анализу подвергается наиболее частотная лексика и стандартные клише с признаками фразеологизма политико-агитационного стиля. Авторы утверждают, что повышенная экспрессивность этих языковых средств обусловлена не только пафосом героики и подвижничества в идеологии советского периода, но и характерной для русской языковой картины мира особенностью значимую информацию передавать «сильными» выражениями.

Abstract. Substantiates the necessity of studying the Soviet period in the development of the Russian language, which has had a great influence on the subsequent stages of its development. A detailed analysis of the most exposed frequency vocabulary and standard clichés with signs phraseologism political-agitational style. The authors argue that the increased expressivity of these linguistic resources is caused not only the pathos of heroism and selfless devotion to the ideology of the Soviet period, but typical for Russian language picture of the world especially meaningful information transfer "strong" expressions.

Ключевые слова: русский язык, советский период, лексика и фразеология, экспрессивность, прагматика, пафос эпохи, стабильность и развитие языка.

Keywords: Russian language, Soviet period, vocabulary and phraseology, expressiveness, pragmatics, the pathos of the era, stability and development of the language.

Введение

В функционировании и развитии русского литературного языка советский период был ознаменован существенными для судьбы языка процессами, породившими изменения в его лексико-семантической системе, осмысление которых остается важной задачей современной лингвистики. В отечественной науке существует множество работ, посвященных глобальным изменениям в лексике и их причинам. Например, работы Р.А. Будагова, В.В. Виноградова, М.Б. Герашенко, П.Н. Денисова, О.П. Ермаковой, Е.А. Земской, Н.А. Купиной, Е.Б. Никифоровой, Л.В. Савельевой, С.А. Свистельниковой, Н.Г. Скляревской, А.П. Чудинова, Г.М. Шипицыной и др. В работах этих авторов рассмотрено множество аспектов реагирования лексико-семантической системы языка на изменение ее функционирования в социальной среде. Интерес лингвистов к проблеме языковых изменений не ослабевает и фокусируется, в частности, на определении места и роли этих процессов в истории языка, определении того или иного лексико-семантического варианта как «уходящего» и выявлении социокультурной детерминированности изменения статуса слова или его отдельного значения (семемы).

Мы исследуем язык советского периода в истории нашего народа, и в рамках данной статьи обращаемся к политической сфере его функционирования. Как известно, в политическом дискурсе наиболее остро проявляются лингвокультурные различия и противоречия общества, обусловленные дисгармонией и несовместимостью концептов массового сознания носителей различных идеологий и ценностей, что и проявляется в языке соответствующего времени. Впрочем, речевая культура во все периоды отечественной истории являлась достаточно восприимчивой к идеологии. При изменении идеологических ценностей эпохи всегда создавались новые слова и различные устойчивые, воспроизводимые выражения, становившиеся прецедентными фразами, что и составляло прагматиче-

ски ориентированный уровень словарного состава, который в первую очередь реагирует на определенный «социальный заказ». Всякая культура усваивается через ее семиотическую систему и символику. Политическая культура советского строя тоже нуждалась в особых средствах продвижения в народ нужной идеологии, и на роль таких средств язык вполне подходил.

Многие лингвисты язык советского периода называют словосочетанием *язык совдепии*. Это название получило негативную оценочность с оттенком иронии. Мы бы хотели, во всяком случае постараться, уйти от иронично-насмешливого тона в описании языка этого периода.

О необходимости изучения языка советского периода

Необходимость изучения языка советского времени обусловлена тем, что этот период оказал значительное влияние на формирование обновленной национальной картины мира последующих периодов жизни россиян. Советский период оказывается одним из важных звеньев в общей динамике развития народа. Он нашел достойное отражение не только в обновленной языковой системе этих лет, но и в национальной культуре, в том числе в огромном вербальном макротексте того времени, поскольку в каждой сфере жизнедеятельности советского народа (наука, производство, искусство, в том числе художественная литература и т. д.) были созданы творения, нужные и интересные для последующих поколений россиян.

В принципе никакой период созидательного развития народа не следует отбрасывать по причинам преходящего характера, в том числе в угоду меняющимся идеологическим ориентирам у преобладающей части общества носителей языка.

Предпосылки большинства семантических процессов имеют внелингвистическую природу, иными словами, находятся в тесной связи с историко-культурной, социально-политической и экономической ситуацией в жизни общества. Под влиянием меняющихся общественных взглядов и оценок в различных политических и социально-экономических условиях жизни социума, происходят существенные изменения в осмыслении действительности, что обуславливает перегруппировку базовых концептов национальной концептосферы и, вслед за этим, перемещение бывших активными в употреблении языковых средств в пассивное хранилище языка. Однако эта общая закономерность не может служить основанием для невнимательного отношения к недавнему прошлому, благодаря которому народ приобретает важные для выстраивания дальнейшей стратегии своего развития опыт и знания. Средства языка, как правило, народом не отбрасываются все, безоговорочно и навсегда, но по истечению определенного времени большая часть хранящихся в запаснике слов возвращается и переосмысливается применительно к новым условиям функционирования языка, в котором фокусируются мировоззрение и состояние культуры в обществе его носителей.

Что касается современной речевой практики россиян, то лексикон советского периода по-прежнему востребован и не только в рядах КПРФ и ей сочувствующих. На данном этапе исторического развития лексика советского периода не может окончательно переместиться в пассивный запас словарного состава современного русского языка по причине того, что она еще жива в сознании людей, языковая картина мира которых сформировалась в СССР. В этом отношении справедливо суждение О.П. Ермаковой, писавшей: «...антикоммунистическая идеология в настоящее время, обретя официальный статус и, соответственно, возможность выражения в печати, имеет противостояние. И опять наблюдается существование двух «языков». Поэтому в прессе антидемократического направления многие слова из сферы политики и идеологии могут сохранять свое прежнее советское звучание...» [1, с. 33]. Без добавленной коннотации и без ироничного оттенка первичная семная структура подобных слов по-прежнему остается актуальной в современном обществе. Представляются точными также слова известного исследователя разговорной современной речи Е.А. Земской о том, что советский квазизык «...не умер. Он очень живуч и пронизывает сознание современного человека» [2, с. 27]. Действительно (и это особенно заметно в речи политиков и государственных служащих), фактически весь современный язык политической бюрократии, а не только язык идеологов КПРФ, изобилует советизмами и официально-деловыми клише, которые не менялись на протяжении десятилетий. Фактически в любом государственном учреждении, творящем указы и постановления, востребованы речевые стандарты бюрократического языка советского времени. Что касается членов КПРФ и их сторонников, они продолжают активно использовать советизмы, что подтверждают исследователи современной коммунистической прессы. Например, С.А. Свистельникова пишет: «в исследуемой газете «Слово коммуниста» элементы советского бюрократического языка употребляются в обычных стилиобразующей и текстообразующей функциях и без всякой иронии. Так реактивизируется актуальная для советского периода лексика, ранее архаизировавшаяся и перешедшая в пассивный запас словарного состава» [3, с. 97]. В связи со сказанным мы считаем, что процесс архаизации лексики советского периода точнее всего можно определить как процесс ее деактуализации. Деактуализация представляет собой явление, отличное от процесса пассивизации лексики активного словарного состава русского языка. Его сущность выражается в постепенной утрате всей лексемой или одним из лексико-семантических вариантов слова своей актуальности в данный исторический

период с сопутствующими семантическими, стилистическими и оценочными изменениями, что обусловлено рядом внеязыковых факторов и, как правило, поддержано системными отношениями в соответствующих ячейках этой системы.

Актуальность проблемы с позиции классического языкознания

С точки зрения классического языкознания изучение языковых изменений (как архаизации, так и инноваций; как современности, так и недавнего прошлого) всегда будет оставаться актуальнейшей задачей лингвистов по следующим причинам. Лексикон языка изменяется очень быстро, особенно в период социальных катаклизмов, общенародных катастроф или наоборот – бурного созидательного развития. Словари не успевают эти изменения фиксировать, кроме того словари полностью не могут передать весь семантический и коннотативный потенциал слова (или конструкции) новым поколениям народа. Еще одна сложность: если не зафиксировать семантику устаревающих слов, то по прошествии некоторого времени возникает опасность перенесения смысла и особенностей коннотаций (прагматики) слов из новой эпохи на старую. К сожалению, такая тенденция в описании семантики устаревших языковых единиц скорее закономерна, чем случайна, о чем и предупреждали нас выдающиеся лингвисты прошлого. В частности, академик В.В. Виноградов писал об этом так: «история чаще всего осмысливает действительность прошлого под влиянием господствующих идей современности» [4, с. 27]. Надеяться на успехи будущих этимологов тоже не приходится. По мысли академика В. В. Виноградова, «...этимология меньше всего способна раскрыть все разнообразие смысловых изменений, переживаемых словом в разной социальной среде и в разные эпохи» [4, с. 11]. Дело в том, что когда слово «продергивается через разные языковые слои», которые обязательно оставляют на его значении свои отпечатки, возникает реальная опасность перенесения эмоционально-экспрессивных смыслов и прагматики этого слова с одной эпохи на другую в полном искажении его бывшей в прошлом семантики [4, с. 11]. Данное положение мы решили проверить экспериментально, проведя опрос старшеклассников по поводу их восприятия устаревающих значений советизмов из числа тех, которые старшему поколению россиян хорошо знакомы.

О восприятии советизмов современной молодежью

Слова прежних эпох (хоть и совсем недавнего прошлого) воспринимаются новым поколением в полной изоляции от бывшей семантической системы и прошлой социально-культурной среды функционирования. Новым поколением устаревающие слова воспринимаются под мощным влиянием уже новой лексико-семантической парадигмы для слов (или конструкций), а также нового ореола их смыслов и коннотативных наслоений. Для доказательства этого важного положения достаточно провести самый простой опрос в молодежной аудитории. Мы провели такой опрос (анонимно) – на проверку понимания частотных советизмов.

Приведем некоторые примеры по результату нашего опроса старшеклассников в школах города Белгорода.

Предлагалось объяснить слово *пролетарий*. Наряду с ответами, более или менее приближенными к точным (и таких – большая часть), некоторые школьники дали нам и неправильные ответы, заставляющие задуматься (публикуем такие ответы с ошибками, допущенными школьниками):

Где-то слышЫл это слово, там главное в объединении, но точно не могу сказать, что это такое;

Это, наверное, те, которые соединять хотят разные страны. А Россию к США предлагают присоединить, типа того ... (по телевизору недавно я слышал про каких-то придурков в этом роде, но не вникал в суть).

Эти ответы обусловлены во-первых, социально-политической атмосферой сегодняшнего дня и мощным воздействием СМИ. При этом они отражают факт невнимательного отношения к материалам СМИ и отсутствия желания разобраться в сути услышанных сообщений. Во-вторых, в них также отражается след задержавшегося в народной памяти некогда всем известного, пожалуй, самого яркого лозунга большевиков *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

Самые нелепые ответы современной молодежи:

Что-то вроде нового русского;

Олигархи какие-то особые;

Борцы за какие-то идеи – как бы еще России навредить

также обусловлены социально-политической средой нового времени в полном соответствии со словами академика В.В. Виноградова об осмыслении прошлого «под влиянием господствующих идей современности».

А ответы (к нашему утешению, они единичны)

Пролетарий – это помещение, где небо со звездами показывают

обусловлены уже влиянием языковой системы: в данном случае четко «работает» парадигма паронимов *пролетарий – планетарий*.

«Работа» языковой системы, прежде всего внутренней формы слова, то есть мотивации и морфемного состава, была столь же четкой в семантизации и других предложенных в эксперименте слов советской эпохи: *летун* – это, по мнению старшеклассников, *тот, кто летает (насекомые – мухи, комары и пр., или люди, летающие на самолетах)*, но никак не тот, кто «летает» с одного места работы на другое в поисках большего заработка, то есть *приспособленец*, поскольку он не хочет жить по нормам социалистического образа жизни.

Аналогично: молодые люди уверены, что

несун – это *тот, кто что-то несет (если о человеке говорить)*, но *несунами* можно называть и *птиц, несущих яйца, – кур, уток, гусей и пр.*

Молодежь не знает, что *несунами* называли тех работников государственных предприятий, которые *несли* домой все, что «прихватили» на предприятии, где работали, то есть фактически несли украденное на работе (для использования дома или продажи, товарного обмена с соседями, также *несунами*).

Таким образом, по результатам проведенного опроса можно утверждать, что в настоящее время уже существуют значительные различия в словарном запасе носителей современного русского языка. Молодые люди не знают значений советизмов, следовательно, не смогут без соответствующих комментариев в полном объеме осмыслить информацию текстов советского периода. При попытке семантизировать малопонятное слово молодые люди обращают внимание на морфемное строение слова, на семантику его морфем, то есть используют те данные в слове, которые навеваются внутренней формой слова в современном ее восприятии, исходя из предполагаемых прямых лексических значений слов.

Типичные особенности советского лексикона

Не беря на себя непосильную задачу в рамках данной статьи представить всю лексико-фразеологическую систему советского периода в русском языке, остановимся на некоторых наиболее типичных ячейках этой системы. Прежде всего выясним, что же новое в развитие русского языка внесла советская эпоха.

Разумеется, основные инновации коснулись лексики и фразеологии языка. Однако маркировка языковыми средствами предложенных народу к усвоению концептов, важных для господствующей идеологии, предполагает установление соотношений прагматического и семантического потенциала языковых средств с кодом соответствующей культуры и традициями языкового творчества. В связи с этим лексические инновации должны были соответствовать и они соответствовали традиционным для языка способам языковой репрезентации концептов. Для русской языковой картины мира вообще характерна репрезентация таких концептов средствами с повышенной экспрессивностью, то есть «сильными выражениями», сочетающими в себе еще и картинно-образное представление действительности.

Эта тенденция в полной мере проявилась в вербализации ведущих концептов советского миропонимания. Например, марксистско-ленинское учение, как основной идеологический стержень эпохи, возросший до размеров сакральной ценности, было не принято упоминать без ярких оценок этого учения с высшей положительной оценкой (*бессмертное, всепобеждающее, великое, гениальное, могучее, всесильное, интернациональное, надежное* и т. п. – вот постоянные эпитеты политического дискурса того времени). Например, *Весь ход исторических событий знаменует торжество великого, всепобеждающего учения марксизма-ленинизма* (Правда 1955, № 355). *Семь десятилетий опыт и уроки Октября умножают силу и неисчерпаемое богатство нашего бессмертного марксистско-ленинского учения* (Правда 1987, № 307).

Экспрессивность номинации в полной мере проявилась и при создании советизмов, выражающих главный идеологический пафос времени, то есть ключевых слов эпохи, которые приподнимали обыденность происходящего до высот великого и отчаянного героизма как исполнения какой-то необыкновенно возвышенной миссии первопроходцев в какую-то новую, счастливую эру человечества, но миссии, исполняемой в тяжелых условиях преодоления, фактически в условиях борьбы и почти вооруженного противостояния.

Видимо, поэтому центральным звеном в системе советизмов оказываются слова и устойчивые сочетания слов (стандартные клише с признаками фразеологизма), в семемах которых имеется сема со значением боевого противостояния. В семантической (или семной) структуре этих языковых средств сема «борьба» (или «война») занимает центральную зону денотативного компонента. «Военная» лексика и фразеология при употреблении в тексте догружается семемами модального характера (нацеливание, озадачивание, побуждение к действию, апелляция к высоким идеалам, ориентация

на яркие примеры подвижников, увещевание, скрытые и даже явные угрозы и т. п.), для чего используются такие слова и стандартные клише, как *благородная цель, сила духа, железная дисциплина, быть в авангарде, активисты движения, патриотический почин молодежи, ударная комсомольская стройка, энергия масс, дух коллективизма, предсъездовская (предмайская) вахта, великие свершения, всенародная стройка, даешь пятилетку в четыре года, руки прочь от народного добра* и тому подобные. В публицистических текстах советского времени много постоянных эпитетов модально-патетического характера с положительной оценочностью, такие, как *доблестный, ударный, передовой, всенародный, великий, идейный, авангардный, пламенный, непобедимый* и т. п.

В каждой подгруппе лексической парадигмы советизмов сема «сражение» дополняется некоторыми семантико-дифференциаторами, уточняющими референтную отнесенность номинации по ее роли в системе «военного» предназначения. Такие слова своей прагматикой имплицитно провозглашают общественно важные смыслы идеологического характера. Приведем некоторые примеры таких смыслов:

«У нас у всех есть прекрасная цель и идея»:

Построение коммунизма, построение светлого будущего, пятилетка в четыре года.

«Нам есть, что защищать»:

Великое марксистско-ленинское учение, завоевания Октября, единство партии и народа, заветы вождей, заветы Ильича, коммунистическое завтра, социалистический образ жизни, действенный научный атеизм, пролетарский интернационализм, морально-политический климат в трудовых коллективах, социалистическая демократия, классовые интересы, социалистический (коммунистический) коллективизм, моральный кодекс строителя коммунизма, социализм с человеческим лицом.

«Есть препятствующие достижению стратегической цели враги, с которыми надо бороться»:

Империалисты, враги народа, вредители (После вредителей настала очередь кулаков, после кулаков – троцкистов), после «троцкистов» – людей с немецкими фамилиями (Шаламов В. Зеленый прокурор), идеологические диверсанты, агенты буржуазии в рабочем движении, буржуазные партии, оппортунисты, аллилуйщики, антисоветчики, невозвращенцы, несунны, расхитители социалистической собственности..

«Враги себя обнаруживают»:

наблюдаются происки врагов, враги планируют идеологические диверсии, враги плетут заговоры.

«Есть и потенциальные враги, способные стать опасными врагами, если с ними не вести борьбы»:

Идеологические отщепенцы, диссиденты, спекулянты, фарсовщики (они же – утюги (жарг.), стилиги, тунядцы, летуны, приспособленцы, единоличники.

«Есть кому возглавить нашу борьбу»:

Вождь, вождь мирового пролетариата, отец всех времен и народов, вожак (партийный, комсомольский, профсоюзный), гегемон рабочего класса, рулевой (партия – наш рулевой), Генеральный секретарь КПСС, секретари обкомов, крайкомов, горкомов, райкомов, первичных организаций и т. п., закаленная в боях партия.

«Есть кому бороться, есть армия «своих»:

Ленинская гвардия, пламенные борцы за социалистический прогресс, народные избранники, авангард рабочего класса, бойцы ударных строек, доблестные защитники Отечества, правофланговые соцсоревнований, маяки (передовики) производства, правофланговые отряды социалистического труда, рабочие династии, Герои социалистического труда, ударники социалистических соревнований, стахановцы, бригады коммунистического труда, активные общественники, дружинники, широкие народные массы, комсомольцы, юные ленинцы, советский простой человек.

«У нас есть братья и друзья, на кого можно положиться»:

Братья по классу, братские народы социалистических стран, мировой пролетариат, братство рабочих всех стран.

«У нас есть готовность к битвам»:

Боевитость, боеспособность, активная жизненная позиция, классовая ненависть.

«Есть «поле брани», различные сферы сражений»:

Битва за умы (- за молодежь, - за урожай и т. д.), бой разгильдяйству (пьянству, дебоширству, хулиганству и т. д.), борьба с нетрудовыми доходами, передовая борьба за коммунистические идеалы.

Представленный выше материал еще раз подтверждает тезис о том, что «лексическое значение слова всегда догружено историко-культурными и социально-оценочными коннотациями своего времени» [5, с. 179].

Наряду с тенденцией к экспрессивности в практике номинации идеологически важных концептов советского строя наблюдалась и противоположная тенденция, уравновешивающая общую линию в развитии языка того времени. Это тенденция к использованию таких языковых

средств, которые своими лексическими значениями и традицией употребления в речи подходили для снижения эффекта особой значимости чего-либо в целях вуалирования сущности понятия или реалии советской действительности. Такие средства были призваны затемнить явление, не выделять его из общей массы подобных явлений, создавая эффект так называемого полного единения партии и народа во всех сферах жизнедеятельности. Приведем примеры таких способов вербализации концептов советского периода.

Так, для обозначения партийных руководителей, обладавших всей полнотой власти в стране, фактически неограниченными возможностями и силой влияния на все происходящее во всех сферах общественной и даже личной жизни граждан, было избрано такое скромное название, как *секретарь* (*Генеральный секретарь коммунистической партии Советского союза, секретари крайкомов, обкомов, райкомов, первичных организаций КПСС, секретари комсомольских организаций разного административного уровня, секретари по идеологической работе и т. п.*). *Секретарь* – «в советское время выборный **руководитель** партийной, комсомольской или другой общественной организации» (ТСЯИ). Важно то, что *секретарь* – это руководящее лицо, а не секретарь в обычном смысле этого слова, то есть не «лицо, ведающее делопроизводством учреждения, организации, отдельного лица» (*секретарь суда, секретарь сельсовета, секретарь школы, секретарь директора завода, секретарь академика*), а также и не «составитель протокола собрания, заседания» (избирается председатель и секретарь собрания, последний составляет протокол этого собрания) (МАС-2). В советский период у слова *секретарь* эти значения тоже были, но к ним добавилось и новое: этим словом обозначалось важнейшее руководящее лицо во всех сферах жизни государства и его граждан, вплоть до отношений в семьях членов КПСС (вспомним фразеологизм *персональное дело коммуниста*). Например, *Что ж, секретарь парткома в ответе за все, что происходит на заводе, кроме того, нет в людской жизни такого, с чем нельзя было бы обратиться в райкома* (В. Кожевников. Корни и крона). Как писал Л. И. Брежнев в книге «Возрождение», *Секретарь райкома в первую очередь крупный политический работник, представитель ЦК нашей партии в большом административном районе*.

В этой новой сфере применения у слова (как семемы) *секретарь* происходит существенное преобразование семного состава его семантической структуры. В сигнификативном блоке значения оказались нейтрализованными семы «помощник руководителя» и «делопроизводитель, занимающийся простой бумажной работой – записать, зарегистрировать, систематизировать документы и т. п.». В денотативном блоке значения утрачиваются семы «не принимает решений», «не влияет на существо дела». В прагматическом семном блоке нейтрализуются коннотативно-оценочные семы «незначительное лицо», «всего лишь подчиненный, выполняющий несложную работу», «не престижная работа», «неинтересная рутинная работа». Утраченные семы в обновленном значении слова *секретарь* были заменены семами прямо противоположного содержания и оценочности, что подняло эту номинацию на вершину возможных обозначений лиц по занимаемой ими должности в советский период.

В то же время лексико-семантическая система языка не могла не воздействовать на восприятие носителями русского языка новой семемы слова *секретарь* как варианта его первичного и основного значения «делопроизводитель, письмоводитель, письмовод» (Даль). Как известно, в сознании носителей языка именно основное значение наиболее активно, а остальные значения в смысловой структуре слова воспринимаются через призму этого основного значения слова. Во всяком вторичном значении слова в той или иной степени сохраняется внутренняя форма его первичного значения (по А.А. Потебне), то есть сохраняется след предыдущего значения, породившего новое значение, а также тот мотивировочный признак, который лег в основу нового названия и который при его каждом употреблении в речи вспоминается носителями языка как его исходная субстанция. «Внутренняя форма слова есть отношение содержания мысли к сознанию; она показывает, как представляется человеку его собственная мысль» (6, с.210 – 211). Исходя из этого тезиса А.А. Потебни, можно говорить о том, что в новом значении слова заложена идея представления нового объекта путем отсылки сознания к прежнему и знакомому объекту. Всякое новое значение слова словно бы намекает носителю языка на его связь с предыдущим значением слова не только тем, что оно фонетически и грамматически совпадает с исходной (в данном случае – основной) семемой этого слова, но и тем, что всякое новое значение слова все же имеет общие семантические признаки с другими значениями этого слова. В новой семеме слова *секретарь* также сохранилась часть сем исходного значения. Это такие семы, как «знание своего дела», «умение систематизировать», «стремление добиваться во всем порядка», «стремление документировать важную информацию», «стремление доводить начатое дело до конца», «быть нужным помощником» и т. п. Эти семы как раз и создавали безусловно положительное впечатление о партийном секретаре как о человеке, который придет на помощь и правильно решит все проблемы государства или отдельного человека. На базе общих семантических признаков у разных семем одной и той же лексемы обеспечивается единство слова как системы его семем, обладающей четкими связями и взаимозависимостями внутри смысловой структуры многозначного слова, поэтому все семемы одной лек-

семьи взаимосвязаны и влияют на значение каждой из них, а тем самым влияют и на восприятие любой из семем многозначного слова носителями языка.

Вторым примером отказа от экспрессии и даже денотативной определенности в номинировании объектов советского времени может служить высокопродуктивная для этого периода словообразовательная модель словосложения в создании имен существительных на базе усеченного слова *специальный* с прибавлением к нему полного слова-имени существительного. Этот способ словообразования оказался удобным средством, который с помощью языка позволял затемнять сферу жизни и быта руководящего состава КПСС. Примеры образований для номинации учреждений, предназначенных исключительно для партийной верхушки: **Спецбольница**, **спецдача** (*Общественность выступает против привилегий лечиться в спецбольнице или жить на спецдаче*. (Правда, 27.01.1991); **спецпарикмахерская**, **спецбуфет** (*У западного высшего чиновника нет спецпарикмахерской и спецбуфета*. Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры); **спецмагазин**, **спецавтобаза**, **спецкладбище** (*Появляются спецмагазины, спецавтобазы, .. и, наконец, спецкладбища, куда простому смертному невозможно войти ни живым, ни мертвым*. (Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры); **спецполиклиника** (*Павел Петрович торопливо набрал номер спецполиклиники; там, не дослушав его, ответили: сейчас будут*. (Герасимов Н. Ночные трамваи), **спецраспределение и спецраспределитель** (*На смену участникам ВОВ приходят ветераны труда, воины-интернационалисты, персональные пенсионеры. А не является ли такая дележка лицемерной крышей для всякого рода спецраспределителей и спецслужб, лазейкой для чиновников-проходимцев и бессовестных торгашей, распределяющих дефицит?* (Век XX, 1989, 12); **спецстоловая** (*На жаргоне номенклатурные должности назывались должностями «с корытом» – спецстоловая «с авоськой» – в придачу паек домой* (Огонек, 1991, 3).

Этим способом также образовывались названия учреждений для так называемых врагов народа, поскольку затемнение денотативного смысла и прагматики таких номинаций было тоже крайне желательным в условиях тоталитарного режима: **спецтюрьма** (*Заключенные спецтюрьмы, лучшие представители нашей интеллигенции, и в самых тяжелых испытаниях не переставали верить в будущее, в конечное торжество справедливости*. (ИиР, 1988, 3); **спецлагерь** (*В 1938 году Колыма была превращена в спецлагерь для рецидива и троцкистов*. (Шаламов В. Левый берег), **спецпсихушка** (*Но даже несправедливо строгий Карабичевский не «выговорил» Трифонову за то, что он не описал «спецпсихушки», еврейских «отказников», платных стукачей и осведомителей, деятельность структур КГБ, допросы арестованных на Лубянке и тому подобное*. (Огонек, 1992, 10).

Продуктивность данной модели объясняется особенностями смыслового потенциала слова *специальный*. Его основное лексическое значение «предназначенный исключительно для кого-, чего-либо; имеющий особое назначение, особый» само по себе вуалирует предназначение объекта, словно бы утаивает этих «кого-либо, чего-либо». Называя предназначенность номинированного объекта столь загадочно, слово *специальный* в данном случае по характеру своей семантики находится в одном ряду с неопределенными местоимениями с оттенком неясного признака *некий, некоторый, какой-либо (кое-какой, не скажу какой!)*. Для непосвященных в суть дела назначение объекта с названием, включающим в себя элемент *спец-*, может быть и неясным, что как раз и требовалось от этой номинации: как учреждения первого типа, так и учреждения второго типа и не должны быть известны всем. Их всеобщая известность не соответствовала бы официальной пропаганде того времени, поэтому в данном случае их и называли с помощью усеченного слова *специальный*.

Заключение

Охарактеризовав две из наиболее ярких тенденции в формировании ключевых слов советской эпохи, в заключение отметим следующее: при всей кажущейся новизне языка советского времени в нем также остается незыблемым и даже стабильным основной лексико-фразеологический фонд национального русского языка, уходящий своими корнями в глубь истории народа и отражающий его многовековой жизненный уклад, определяемый географическими и этно-культурными факторами. Этот фонд во все времена обеспечивал и ныне обеспечивает единство этноса и языковую общность поколений независимо от политических или экономических условий существования народа, в том числе проводимых социально-политических или экономических экспериментов с народом. Этот фонд составляет лексика и фразеология, номинирующая окружающие человека объекты природы, артефакты культуры (и материальной, и духовной, хотя последняя – бывает в разные периоды в несколько ущемленном виде), а также номинанты самых разных признаков и процессов во всем их проявлении, значения количеств предметов и отвлеченных чисел, весь арсенал дейктических средств – указателей и заместителей, все служебные слова и междометия, фраземы, паремии и другие формы народной афористики (последняя группа средств

с некоторой коррекцией частотности употребления в разное время в зависимости от своего концептуального смысла и оценочности), а также (что особенно важно!) и в советский период грамматический и фонетический строй языка проявили свою обычную стойкость. Благодаря этому стабильному фонду языковых средств в общем и целом сохраняется возможность понимания языка разных поколений у россиян, несмотря на существование отдельных групп архаичной лексики, бывшей особо актуальной для того или иного периода развития культуры нации. Язык народа, выступая «как символ по отношению к обозначаемой им внеязыковой действительности, как симптом по отношению к говорящему, как сигнал по отношению к адресату речи» [7, с. 610], создает почву для транслирования языковых значений из одной социокультурной реальности в другую.

Что касается представленных в данной статье советизмов, на данном этапе развития нашего общества пока не выработана четкая позиция по вопросу – в какой мере и сколь тщательно и глубоко следует обучать молодежь этому лексикону. На наш взгляд, в информативно важных текстах советского периода можно ограничиться комментированием советизмов таким же способом, как осуществляется комментирование любой другой архаичной лексики в издательской практике, особенно в детской учебной и художественной литературе.

Список литературы

1. Ермакова, О.П. Семантические процессы в лексике / О. П. Ермакова // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 32-66.
2. Земская, Е.А. Новояз, newspeak? nowotowa... Что дальше? / Е. А. Земская // Русский язык конца XX столетия (1985 - 1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 19 – 66.
3. Свистельникова, С.А. Речевой портрет оппозиционной газеты: концептосфера, жанры, образные средства (на примере газеты «Слово коммуниста». – Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Белгород, 2010.
4. Виноградов, В.В. Слово и значение как предмет историко-лексикологического исследования / В.В. Виноградов // Вопросы языкознания, 1955. – № 1. – С. 5 – 37.
5. Шипицына, Г.М., Лексикографическое представление динамики лексической коннотации / Г.М. Шипицына // Уральский филологический вестник. Серия «Психолингвистика в образовании» – Вып. 4, 2013. – Екатеринбург: УрГПУ. – С. 171 – 179.
6. Потебня, А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня // Хрестоматия по истории русского языкознания. Под ред. Ф.П. Филина. – М.: Высш. школа, 1973. – С. 207 – 213.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека./ Н.Д. Арутюнова – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.

Словари:

8. (Даль) – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / Под ред. И.А. Бодуэна де Куртенэ.. – М.: А/О Издат. группа «Прогресс», «Универс», 1994.
9. (МАС-2) – Словарь русского языка. В 4-х томах / Под ред. А.П. Евгеньевой; АН СССР, Институт русского языка. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981-1984..
10. (ТСЯИ) – Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складневской. – СПб.: Фолио-Пресс, 1998.